

УДК 82-3

БЕЛЛЕТРИЗОВАННАЯ БИОГРАФИЯ И. А. НОВИКОВА «ПУШКИН В ИЗГНАНИИ»: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕДАКЦИЙ ТЕКСТА

© Чжан Цзинна

I. A. NOVIKOV'S FICTIONALIZED BIOGRAPHY "PUSHKIN IN EXILE": COMPARATIVE ANALYSIS OF TEXT EDITIONS

Zhang Jingna

The article analyzes the process of creation of I. A. Novikov's fictionalized biography "Pushkin in Exile". The purpose of this work is to reveal the changes the author made while writing the text of the novel. The object of our study is the texts of the novels "Pushkin in Mikhailovskoye" (1936), "Pushkin in the South" (1944) and "Pushkin in Exile" (1966-1967). We have compared the first and the last editions of the novel and have found certain regularities. The corrections are of different nature. Some of the corrections, made by Novikov, are verbal, others are stylistic or factual by their nature. The structure of the novel also changes: new chapters are added to the first part of the diology. The changes have different purposes: to improve style, to fully reveal the image of the character, or to get his facts right and meet the ideological criteria. The text of the last edition has new fragments, enhancing better understanding of the characters; there are also some Pushkin's verses, illustrating the creative process. I. A. Novikov reinterprets the poet's image and improves it.

Keywords: fictionalized biography, editions of the novel, character of A. S. Pushkin, corrections, structure of the novel.

В данной статье ставится задача проанализировать работу писателя Ивана Алексеевича Новикова над текстом беллетризованной биографии «Пушкин в изгнании». Целью работы является выявление изменений, которые были внесены в текст романа в процессе его создания. Объектом нашего исследования послужили тексты романов «Пушкин в Михайловском» (1936), «Пушкин на юге» (1944) и «Пушкин в изгнании» (1966–1967). Проведено сравнение первой и последней редакций романа, и в результате сопоставительного анализа установлены определенные закономерности. Так, правки, внесенные в текст романа при редактировании, носят различный характер. Правки носят характер речевых, стилистических и фактологических изменений. Изменяется также структура романа: первая часть диологии расширена за счет дополнительных глав. Новиков вносит изменения с различными целями: улучшение общего стиля, более полное раскрытие образа персонажа, соответствие фактам, а также идеологическим критериям. В последней редакции появляется значительное количество фрагментов, способствующих лучшему пониманию характера героя; добавлены тексты некоторых стихотворений, которые иллюстрируют творческий процесс. И. А. Новиков переосмысливает образ Александра Сергеевича Пушкина и углубляет его.

Ключевые слова: беллетризованная биография, редакции романа, образ А. С. Пушкина, правки, структурное деление.

Роман-дилогия «Пушкин в изгнании» И. А. Новикова – наиболее значимое произведение автора, работу над которым он вел с 1924 года и практически до конца своей жизни, постоянно редактируя текст, внося изменения. Первые главы романа «Пушкин в изгнании» опубликованы в журнале «Красная новь» в 1936 году. Отдельные отрывки из глав и целые главы напечатаны в журналах «Огонек» (1937), «Новый мир» (1943). Значительные изменения внесены Новиковым в текст при подготовке к изданию 1947 года, так как именно в этом издании два романа

впервые были объединены в диологию. Редакции разных лет отличаются художественной формой и содержанием. Проведенный нами анализ текстов первой и последней редакций романов показывает, что писатель вносил стилистические правки, уточнял или обобщал, добавлял или исключал некоторые эпизоды. Первая и последняя редакции также отличаются разделением на главы: при сохранении общего объема текста наблюдаем различия в структурном делении. «По мере доработки книги, к каждому следующему изданию романа автор учитывал новые до-

стижения пушкиноведения и дополнял книгу свежим материалом, а иногда и перерабатывал» [Яковлева, с. 53]. Из исследований мы узнаем, что писатель обычно не отдавал рукопись в редакцию, не сохранял черновиков текста. «С подлинника на машинке перепечатывал сам или диктовал. Снова исправлял и тогда уже отдавал машинистке, а потом в редакцию» [Новиков, 1966, с. 248].

В редакции романа «Пушкин на юге» 1944 года только 17 глав. Глава 9 «Златоверхий град» в последней редакции разделена на две – «Златоверхий град» и «Контракты». При этом в главу 10 внесены дополнения – описание Контрактов; нумерация глав смещается. Также появляются глава 19 «Записки Екатерины II» и глава 20 «Салют», частично включающие в себя фрагменты главы 17 «У синего моря» из первой редакции. Мы видим, что при объединении текстов в дилогию роман «Пушкин на юге» расширен до 20 глав. Структура романа «Пушкин в Михайловском» подобным значительным изменениям не подвергалась.

Изменения уточняющего характера относятся к формальным. Так, например, в редакции 1936 года читаем:

<...> ближе к дороге лошади разных мастей в тени одинокого серебристого тополя стоят <...> [Новиков, 1936, с. 7] (здесь и далее курсив наш – Ч. Ц.); Он было сел на камень, но нет <...> разрешения не было [Там же, с. 11]; Я племянник бывшего директора Лицея, по праздникам меня брали из корпуса в Царское Село, и я вам и Дельвигу стихи декламировал [Там же, с. 37];

В последней редакции:

<...> ближе к дороге лошади в тени одинокого серебристого тополя стоят <...> [Новиков, 1967, с. 2]; Он было сел на камень, но нет <...> Этого благодатного внутреннего разрешения не было [Там же, с. 3]. Я племянник бывшего директора Лицея, Егора Антоновича Энгельгардта, по праздникам меня брали из корпуса в Царское Село, и я вам и Дельвигу стихи декламировал [Там же, с. 19].

Некоторые исправления относятся к речевым. Ср.:

Пушкину стоило большого труда не выдать себя, что он хорошо разобрал эти слова <...> [Новиков, 1944, с. 20]; Пушкину стоило большого труда не выдать, что он хорошо разобрал эти слова <...> [Новиков, 1966, с. 10]; <...> ехать обратно не лошаадьми, а водой [Новиков 1944, с. 29]; <...> ехать обратно не на лошадах, а водой [Новиков, 1966, с. 15]; <...> не бывает такого, чтобы бог ему не послал скромную дочку с русою в ленте косой! [Новиков, 1944, с. 177]; <...>

не бывает такого, чтобы бог ему не послал скромную дочку с убранный лентой русой косой [Новиков, 1966, с. 144].

Присутствуют стилистические правки, замена отдельных слов другими, более подходящими. Ср.:

<...> особенно твердо *вонзив* подбородок в тугой воротник мундира [Новиков, 1944, с. 28]; <...> особенно твердо *погрузив* подбородок в тугой воротник мундира [Новиков, 1966, с. 28]; <...> послал он ветеранам Людовика Четырнадцатого *несколько* бочек донского вина [Новиков, 1944, с. 29]; <...> послал он ветеранам Людовика Четырнадцатого *сколькото* бочек донского вина [Новиков, 1966, с. 15]; <...> холодные капли *бежали* за шею <...> Хорошо! [Новиков, 1944, с. 33]; <...> холодные капли *скатывались* за шею <...> Ах, хорошо! [Новиков, 1966, с. 17]; И Михаила Орлов – *отличный* вояка [Новиков, 1944, с. 140]; И Михаила Орлов – *истинный* воин [Новиков, 1966, с. 82].

Разговорная лексика заменяется нейтральной. Ср.:

Лев *испарился*, но за дверями по коридору ждала его Ольга [Новиков, 1936, с. 122]; Льва *уже не было*, но за дверями в коридоре ждала его Ольга [Новиков, 1967, с. 69]. И действительно, он немного лишь *поболтался* в толпе и ушел [Новиков, 1944, с. 267]; И действительно, он немного лишь *побыл* в толпе и ушел [Новиков, 1966, с. 169].

Отдельные изменения носят фактологический характер. Ср.:

В нем ярко возникли воспоминания раннего детства: церковь в *Малых* Вязёмах [Новиков, 1936, с. 70]; В нем ярко возникли воспоминания раннего детства: церковь в *Больших* Вязёмах [Новиков 1967, с. 38].

Роман создавался в 1920-е годы, когда соцреалистическое направление в литературе только формировалось, «в годы относительного демократизма, еще не подведенного под соцреалистические принципы» [Михеичева, с. 24]. Присутствующие в первой редакции упоминания о национальной принадлежности исключены из текста последней редакции по идеологическим соображениям.

Ср.:

Дворник-*татарин* нес воду в ведре для умывания господ [Новиков, 1944, с. 70]; Дворник нес воду в ведре для умывания господ <...> [Новиков, 1966, с. 41]; *Татарские* редкие домики почти совершенно сливались с землей, и, соседствуя с ними, дом Ришелье казался настоящим дворцом [Новиков, 1944, с. 73]; Маленькие редкие домики почти совершенно

сливались с землей, и, соседствуя с ними, дом Ришелье казался настоящим дворцом [Новиков, 1966, с. 43]; Но на дворе хорошенький *татарчонок*, с надвинутой на затылок пестрою тибитейкой, трудился уже у пузатого, плохо отчищенного самовара [Новиков, 1944, с. 74]; Но на дворе *черноглазый мальчишка*, с надвинутой на затылок пестрою тюбетейкой, трудился уже у пузатого, плохо начищенного самовара [Новиков, 1966, с. 44]; Вдали, у небольшого фонтана, простенького, старого, он различил *татарскую девочку* [Новиков, 1944, с. 75]; Вдали, у небольшого фонтана, простенького, старого, он различил *девочку в восточной одежде* [Новиков, 1966, с. 45]; *Я татарская девушка*, я девушка гор, – наконец отвечала Мария [Новиков, 1944, с. 75]; *Я девушка гор*, – наконец отвечала Мария [Новиков, 1966, с. 45]; <...> *татарские хижины* и ребятишки в длинных рубахах <...> [Новиков, 1944, с. 78]; <...> *маленькие хижины* и ребятишки в длинных рубахах <...> [Новиков, 1966, с. 46]. <...> человек пел *по-татарски* о чем-то своем <...> [Новиков, 1944, с. 84]; <...> человек пел о чем-то своем <...> [Новиков, 1966, с. 50]; Молодой *певец-татарин* заботливо укрывал початую корзину [Новиков, 1944, с. 88]; Молодой *певец* заботливо укрывал початую корзину [Новиков, 1966, с. 51]; Важные *горожане-татары* один за другим приходили к нему [Новиков, 1944, с. 101-102]; Важные *старикигорожане* один за другим приходили к нему [Новиков, 1966, с. 62]; *А крымский татарин*, – сказал он, входя и смеясь [Новиков, 1944, с. 109]; *А из Крыма*, – сказал он, входя и смеясь [Новиков, 1966, с. 65].

Очевидно, по той же причине исключаются отсылки к происхождению Пушкина (текст, отмеченный нами, в последней редакции отсутствует).

Ср.:

Остановив коня, глядел он отсюда в далекую запредельную даль. *Там была Турция, там была Африка, там, где-то жили его далекие предки*. В раздумье он тронул коня, направив его к Аюдагу [Новиков, 1944, с. 77].

Новиков дополняет текст последней редакции развернутыми описаниями, которые помогают лучше представить изображаемую действительность, персонажей. Новиков явно поэтизирует образ графини Воронцовой, ассоциируя ее с морем и солнечным светом.

Ср:

Не белеют ли ветрила, / Не плывут ли корабли? Что-то свое вкладывала <...> [Новиков, 1936, с. 13]; Не белеют ли ветрила, / Не плывут ли корабли? *Эти немудреные стихи очень любила она и часто твердила их, стоя у моря и глядя, как убегало оно в синюю даль, подернутую солнечной дымкой, между тем как вуаль ее также скользила по ветру, чуть задевая*

светящиеся на солнце золотистые локоны. Что-то свое вкладывала <...> [Новиков, 1967, с. 5].

Большинство изменений касаются тех фрагментов, в которых описывается Пушкин. В последней редакции появляются фрагменты, которые способствуют раскрытию образа поэта. Новиков показывает стремление Пушкина к ярким впечатлениям, нежелание оставаться в состоянии покоя.

Ср.:

Александр, так же, как и Раевский, купался в горячей сернистой воде, с трудом сохраняя то спокойное положение тела, которое строго-настрого предписывал Рудыковский. Ему больше нравилось, как на уступе горы каких-нибудь смельчаков опускали на блоке в корзинах в глубокий, сильно пахнувший серой провал, точно закидывали туда огромную вершу. Очень его подмывало и самому совершить воздушное это путешествие и покататься в подземной «болотине». Николай не без труда от этого отговорил его [Новиков, 1966, с. 19].

Развернутая характеристика, сравнение с мальчишкой придает легкость образу Пушкина.

Ср.:

<...> ему стало весело, беспричинно легко. В нем возникало теперь желание подвигаться и почудить, желание людей, шуток и смеха [Новиков, 1936, с. 30]; <...> ему стало весело, беспричинно легко. *Бездумно сложил он ладони у рта и гукнул совой, произведя переполох между мелкими птишками. Орешник заколебался под солнцем, и обнажилась мохнатая гранка орехов. Дать себе волю — ушел бы далеко, по голос Никиты окликнул его, и он побежал, помальчишечьи перескакивая через зеленые кочки. Горстка спелых орехов все же была зажата в руке*. В нем возникало теперь желание подвигаться и почудить, желание людей, шуток и смеха [Новиков, 1967, с. 14–15].

Подобные фрагменты встречаются в тексте последней редакции достаточно часто. В этих фрагментах Новиков обращает внимание на внутреннее состояние Пушкина, на движение мыслей, что придает образу объем и реалистичность.

Ср.:

Но как зато ярко и бурно все взметнулось в душе, когда на ближайшей же станции, заглянув в неплотно притворенную дверь просторной ямщицкой, Пушкин увидел, как меланхолический его паренек, кинув под ноги грусть и задумчивость, лихо выделял задорные колена огненного трепака. <...> Веселый и легкий, приподнятый и сам, Пушкин ворвался на станцию и, как ветерок, веселыми восклицаниями разметал дремливые речи Давыдовых, располагавшихся на покой [Новиков, 1966, с. 105-106]; У Пушкина в эту

минуту не было дум, их заменяло общее одно ощущение, широкое, мощное: жить – хорошо. *Вдруг он почувствовал прибывающую силу, потребность движения, перевернулся и направился к берегу.* – В море отлично, но на земле все-таки как-то прочней... – пошутит он, одеваясь на берегу. *Молодая, вскипевшая в нем сила продолжала требовать себе выхода и на обратном пути.* – *Я что-то в пучинах морских захолодал... И он принялся бегать, делая по сторонам круги и зигзаги, дабы не покинуть медленно шагавшего Раевского. Тот следил за ним с легкой улыбкой.* – *Ты точно щенок после купания. А Пушкин в ответ, смеясь, притворился, что и впрямь отряхивает шерсть* [Новиков, 1966, с. 43].

В романе достаточно подробно описываются любовные взаимоотношения поэта, но и здесь появляются изменения: расширена линия Пушкин – Амалия Ризнич. Новиков делает акцент на переживаниях героя, показывает, какие чувства он испытывает:

Так он стал бывать в ее доме, и притом не только на вечерах, когда бывало много народу; он иногда сопровождал ее и на прогулках верхом и очень часто после обеда поджидал, пока она переоденется, чтобы вместе с ним ехать в театр. <...> И вот она едет с кем-то из них: сердце сжималось [Новиков, 1966, с. 222 – 223].

Новиков создает в своем творчестве образ «поэта в изгнании» [Сушилина, с. 33], который связывается у исследователей с современной Новикову политической обстановкой. Политические и общественные взгляды самого Пушкина находят более полное отражение в последней редакции: фрагмент, включенный в текст, показывает поэта как патриота, миротворца, сторонника свободы.

Ср.:

Да, в этих словах несоединимое – соединилось; свободолюбие Пушкина и патриотизм каким-то особенным образом в нем сочетались. Война есть война. Но сами народы могут жить в мире. <...> Никчемные и расслабляющие мысли были чужды ему. Но вот, очевидно, он думал и говорил: народ и народам желал он не вражды между собою, а дружбы <...> [Новиков, 1966, с. 34].

Упоминание в последней редакции войны на Кавказе позволяет Новикову не только показать отношение Пушкина к данной проблеме, но вновь обратиться к описанию внутреннего мира поэта.

Ср.:

Хотя б не мешали, и того было б довольно. *Но тут перевел разговор на войну на Кавказе Павел Сер-*

геевич Пуццин, командир одной из бригад в чине генерал-майора. <...> *Но, господа, если Кавказ это один угол, то ведь и у нас, в другом углу, тоже ведь... Так чего же войну еще и в чужих краях затевать?* И общая беседа потекла по новому руслу [Новиков, 1966, с.130].

Углублена также тема греческого восстания: описана случайная встреча Пушкина со сторонниками Ипсиланти.

Ср.:

В Кишиневе прозвали их «вольноплясами». *Кажется, Пушкин напал на одну такую компанию.* <...> *Ничего Александр не сказал и о другом своем разговоре с самим Тарасом Кирилловым, которого он вскоре после того навестил в его заключении* [Новиков, 1966, с. 141–143].

Упоминания о том, что Пушкин был сторонником греческой революции, находим в научной биографии Г. И. Чулкова «Жизнь Пушкина», которая была впервые опубликована в 1936 году в журнале «Новый мир». Так как Новиков и Чулков состояли в пушкинском кружке, вполне возможно, что именно исследования Чулкова были использованы для воссоздания данного фрагмента. Пушкин посещает заключенного Тараса Кириллова в кишиневском остроге. Вечером того же дня Кириллов и еще несколько заключенных совершают побег – в первой редакции этого фрагмента нет.

Ср.:

Александр был раздражен на себя, на друзей, на Кишинев. Томление одолевало его. Единственно, куда он способен пойти – это в острог. В этом нет, конечно, ни развлечения, ни поэзии. Но это – сама жизнь. <...> Он помнил Кириллова, и ему хотелось думать, – пусть это сентиментальная мысль! – что не он нанес страшный удар. Но не мог забыть и этого маленького барабанщика; долго не мог забыть [Новиков, 1966, с. 144–145].

Также углубляется сюжетная линия, показывающая взаимоотношения Пушкина с декабристами. Это позволяет Новикову показать глубокие переживания героя, их последующее отражение в творчестве поэта.

В последней редакции появляется полумифологический образ лебеда, который сравнивается с образом поэта.

Ср.:

Но, конечно, не он, а тот лебедь вышел на берег и этак победно, торжественно распростер свои крепкие крылья и потряс ими под солнцем, скидывая с себя приставшую грязную нечисть. И купался он теперь уже не в воде, а в солнечном свете и был опять без

единого пятнышка, белоснежен, прекрасен. И я глядел на него, и у меня была радость. <...> Но это лишь образ, – сказал Вельтман внезапно упавшим голосом, – это, как бы сказать, не научно. А между тем у вас есть своя биография [Новиков, 1966, с. 156].

С целью языковой историко-поэтической стилизации (как указывает И. В. Мануйлова) Новиков вводит в текст романа в качестве воспоминания стихотворение «К Чаадаеву». Данное стихотворение помогает лучше понять взаимоотношения Пушкина с Чаадаевым. «Новиков заставляет своего героя вспомнить стихи юности, наиболее символические, значимые в цикле его вольнолюбивых произведений» [Мануйлова, с. 60]. Тексты Пушкина включаются в роман «в качестве концептуального средства характеристики поэта» [Хапакова, с. 111]. Включен отрывок из стихотворения «Денису Давыдову», отражающий отношение Пушкина к Д. В. Давыдову.

Ср.:

Дениса Васильевича он вспоминал с особою нежностью: Певец-гусар, ты пел биваки, / Ты славил, лиру перестроя, / Любовь и мирную бутылку [Новиков, 1966, с. 128–129].

С той же целью включен отрывок из стихотворения «Орлову» во фрагмент, иллюстрирующий отношение Пушкина к генералу Киселеву.

Ср.:

Пушкин был с Киселевым знаком еще по Петербургу. <...> И сам Киселев у себя дома был немного иной: он был значительно проще и не так снисходил с высоты своего блистательного величия [Там же, с. 199–200].

Воспоминания о Тавриде, ощущение творческого подъема, сопровождаются отрывком из одноименного стихотворения.

Ср.:

Получив «Кавказского пленника», Пушкин достал и свою юрзуфскую тетрадь с начальным наброском поэмы. <...> Муза его вновь была с ним неотлучною спутницей: «Воскресли чувства, ясен ум» [Там же, с. 209].

Также Новиков показывает процесс создания стихотворения «Узник»: размышления поэта, выбор слов находят отражение в тексте последней редакции.

Ср.:

Этот мотив и этот размер запели и в нем. <...> Дни проходили за днями в неизменной своей монотонности. Пушкин сидел, когда прежде всего был Пушкин — движение! [Там же, с. 185–186].

Творческий процесс проиллюстрирован и на примере поэмы «Цыганы». Ср.:

Но если в «Цыганах» живой диалог радовал его как художника, то они же были исполнены напряженного чувства, ищущих разрешения дум. <...> Пушкин «Цыган» закончил уже не в Одессе, но выносил он, выстрадал их именно здесь [Там же, с. 220].

Пушкин работал над текстом «Слова о полку Игореве», и этот вопрос также стал предметом интереса Новикова. Расширенные отсылки к данной теме находим в тексте последней редакции.

Ср.:

И эти реки, устья Днепра и Днестра, которые должен был пересечь, когда-то белели от парусных стругов варягов, славян. Дикая вольная песня лилась, заполняя собою всю неоглядную водную ширь... и он там будет один [Там же, с. 62].

Проведенное нами исследование позволяет составить достаточно полное представление о процессе работы И. А. Новикова над текстом дилогии. В целом изменения, внесенные в последнюю редакцию, направлены на то, чтобы более подробно, достоверно передать образ поэта, его внутренний мир, душевные переживания. Большая часть дополнений носит уточняющий характер, представляет собой развернутые описания состояний героя, его размышления о своей судьбе, о судьбах товарищей. Новиков показывает поэта в процессе творчества – от рождения замысла произведения до его реализации, что, безусловно, делает образ более «живым», объемным, реалистичным. Некоторые изменения обусловлены новыми данными, полученными в ходе исследовательской работы автора. Другие вызваны необходимостью углубить некоторые сюжетные линии. Писатель меняет местами отдельные фрагменты, избавляется от повторов. В последней редакции более подробно описывается обстановка – историческая и бытовая, в которой развиваются события. Это также имеет значение для воссоздания мира Пушкина. Все изменения, внесенные в текст на протяжении работы над ним, направлены на совершенствование романа как в фактологическом, так и в стилистическом плане.

Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Д. Н. Черниговского.

Список литературы

Мануйлова И. В. Формы и средства языковой историко-поэтической стилизации в романах И. Новикова «Пушкин в изгнании» и В. Гроссмана «Арион»: дис. ... канд. филол. наук. Армавир, 2006. 188 с.

Михеичева Е. А. Тема «Мой Пушкин» в творчестве И. Новикова и М. Цветаевой // Творчество И. А. Новикова. Новые исследования и архивные открытия: материалы Всерос. науч. конф. с международ. участием, посвященной 140-летию со дня рождения И. А. Новикова, Мценск: Мценская центральная городская библиотека им. И. А. Новикова, 2017. С. 23–30.

Новиков И. А. Пушкин в Михайловском. М.: Советская Россия, 1936. 360 с.

Новиков И. А. Пушкин на юге. М.: Советский писатель, 1944. 358 с.

Новиков И. А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1966. 256 с.

Новиков И. А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1967. 218 с.

Сушилина И. К. Пьеса И. Новикова «Пушкин на юге» в общественно-политическом контексте 1930-х годов // Творчество И. А. Новикова: материалы междунар. науч. конф. к 135-летию со дня рождения И. А. Новикова. Мценск: Мценская центральная городская библиотека им. И. А. Новикова, 2013. С. 31–38.

Хапакова М. И. Поэтическая лексика А. С. Пушкина как средство раскрытия внутреннего мира героя в романе И. А. Новикова «Пушкин в изгнании» // Культурная жизнь юга России. 2012. № 3 (46). С. 110–111.

Яковлева Т. М. Образ поэта: Пушкин в историческом романе И. А. Новикова. Тбилиси: Заря Востока, 1962. 132 с.

References

Iakovleva, T. M. (1962). *Obraz poeta: Pushkin v istoricheskom romane I. A. Novikova* [The Image of the Poet: Pushkin in I. A. Novikov's Historical Novel]. 132 p. Tbilisi, Zaria Vostoka. (In Russian)

Khapakova, M. I. (2012). *Poeticheskaia leksika A. S. Pushkina kak sredstvo raskrytiia vnutrennego mira geroia v romane I. A. Novikova "Pushkin v izgnanii"* [A. S. Pushkin's Poetic Vocabulary as a Means to Reveal Character's Inner World in I. Novikov's Novel "Pushkin in Exile"]. *Kul'turnaia zhizn' iuga Rossii*. No. 3 (46), pp. 110–111. (In Russian)

Manuilova, I. V. (2006). *Formy i sredstva iazykovoi istoriko-poeticheskoi stilizatsii v romanakh I. Novikova "Pushkin v izgnanii" i V. Grossmana "Arion": dis. ... kand. filol. nauk* [Forms and Means of Linguistic Historical and Poetic Stylization in the Novels of I. Novikov "Pushkin in Exile" and V. Grossman "Arion": Ph.D. Thesis]. Armavir, 188 p. (In Russian)

Mikheicheva, E. A. (2017). *Tema "Moi Pushkin" v tvorchestve I. Novikova i M. Tsvetaevoi* [The Theme "My Pushkin" in the Works of I. Novikov and M. Tsvetaeva]. *Tvorchestvo I. A. Novikova. Novye issledovaniia i arkhivnye otkrytiia: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunarod. uchastiem, posviashchennoi 140-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Novikova*. Pp. 23–30. Mtsensk, Mtsenskaia tsentral'naia gorodskaiia biblioteka im. I. A. Novikova. (In Russian)

Novikov, I. A. (1944). *Pushkin na iuge* [Pushkin in the South]. 358 p. Moscow, Sovetskii pisatel'. (In Russian)

Novikov, I. A. (1936). *Pushkin v Mikhailovskom* [Pushkin in Michailovskoe]. 360 p. Moscow, Sovetskaia Rossiia. (In Russian)

Novikov, I. A. (1966). *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected Works in Four Volumes]. T. 1, 256 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Novikov, I. A. (1967). *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected Works in Four Volumes]. T. 2, 218. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Sushilina, I. K. (2013). *P'esa I. Novikova "Pushkin na iuge" v obshchestvenno-politicheskom kontekste 1930-kh godov* [I. Novikov's Play "Pushkin in the South" in the Socio-Political Context of the 1930s]. *Tvorchestvo I. A. Novikova: materialy mezhdunar. nauch. konf. k 135-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Novikova*. Pp. 31–38. Mtsensk, Mtsenskaia tsentral'naia gorodskaiia biblioteka im. I. A. Novikova. (In Russian)

The article was submitted on 06.08.2018

Поступила в редакцию 06.08.2018

Чжан Цзинна,
аспирант,
Вятский государственный университет,
610002, Россия, Киров,
Свободы, 133, 805/2.
zhangjingna862@yandex.ru

Zhang Jingna,
Ph.D. applicant,
Vyatka State University,
133, 805/2 Svobody Str.,
Kirov, 610002, Russian Federation.
zhangjingna862@yandex.ru